

АНДРЕЙ МОРСИН

Принцесса
или
Драгоценное Ничто

Animedia

Андрей Морсин

Унция или Драгоценное Ничто

«Animedia»

2016

Морсин А.

Унция или Драгоценное Ничто / А. Морсин — «Animedia», 2016

ISBN 978-80-7499-009-0

Унция – девочка, потерявшая родителей и нашедшая помощь у невидимых сил. Унция – граммы души, отчаянно ищущей любовь в мире, полном монстров и светлых, прекрасных существ. В целомудренном неведении Унции – все самые драгоценные знания. Она умеет различать добро и зло по звучанию, и это просто: человек своими поступками и мыслями выводит мелодию, которая остаётся в мире навсегда, и которую уже нельзя переписать. Путь Унции к любви проходит одновременно в двух мирах – видимом и невидимом, и ей надо постараться не стать обедом тех, для кого светлая и чистая душа – лучшее лакомство. Эта пронзительная философская история приводит нас к тому, что жизнь продолжается и за границей материального мира, и рано или поздно каждому из людей предстоит столкнуться с тонкой вселенной. Будет она цветущим садом или ледяной пустыней, зависит только от нас. Уже сейчас...

ISBN 978-80-7499-009-0

© Морсин А., 2016

© Animedia, 2016

Содержание

Часть I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Андрей Морсин

Унция или Драгоценное Ничто

(Роман-сказка)

Часть I

«В тех краях гуляете не вы, а ваше настроение».
Якоб Андреас Пуп, профессор Пражского королевского университета

Старинный дворец с башенками и шпилями, украшенный барельефами и скульптурками крылатых рыб и зверей, казался чудной книжной иллюстрацией.

У самой его стены, перед клумбой, устроенной в виде огромного глаза, стояли трое старцев в сюртуках и цилиндрах.

– Феноменальное везение, – первый посмотрел вверх, на одну из башенок. – Упасть оттуда и остаться невредимой!

Клумба выглядела ухожено, но в её цветочном зрачке растения были сломаны и примяты.

– Может, «глаз» остановил падение взглядом? – бесстрастно предположил второй.

– Эти островитяне до сих пор верят, что отгоняют так злых духов! – покачал головой третий.

– Духов или нет, но особа упоминала некий чудесный взгляд, – второй говорил вдумчиво, – превративший земное притяжение...

– В «небесную притягательность»? – третий усмехнулся. – Побойтесь Ньютона, коллега!

– Да, да, детские фантазии. Вот он, ваш взгляд, – первый кивнул на цветник, – весь в этом ярком эллипсе. Но за дело, гении! – открыл саквояж, и все тоже принялись доставать блокноты и рулетки, меряя «глаз» и выводя какие-то формулы.

Трое у клумбы были мировыми светилами в естествознании и прибыли на небольшой атлантический остров изучить интересное для науки дело: девочка восьми лет упала с высоты ста футов и осталась невредима. Девочку звали Унцией, и она была единственной наследницей династии Саламантов, правившей на острове с давних пор.

Заезжие светила долго просвечивали принцессу своими лучами и разглядывали с помощью разных хитроумных приборов, но, кроме царапины, копирующей китайский иероглиф «пар», других признаков летучести не обнаружили. Прямо на клумбе они нагромодили гору гипотез, прыгнув с которой, любой бы разбился насмерть, но потом решили, что ребёнок попал в восходящий воздушный поток, – погода здесь, правда, была очень жаркой.

Удивительное спасение, с лёгкой руки репортёров, тут же окрестили «волшебным полётом». Новость пересекла океан и попала во все газеты Европы и Америки, но вскоре отошла на второй план, так как в те июньские дни 1908 года на Землю упало неизвестное тело, надевавшее куда больше шума.

По случаю «волшебного полёта» Унции, на её Родном острове, испокон веку так в картах и значившемся, объявили праздник с фейерверками и карнавалом. Солнцу, нагревшему землю под окном, сочинили гимн, садовника и всех его наследников, включая девочек, освободили от налогов на цветы и фрукты, а служившую в тот злополучный день камеристку Медину, которой за красоту пришлось даже отсутствие должного образования, перевели в ключницы.

Лёгкий бриз шевелил занавески, и мифическая флора, населявшая их, двигалась, как живая. С высоты окна были видны парусники в бухте и чёрная машина эсминца на рейде. Напротив, через площадь, возвышалась башня курантов: золочёные стрелки-змеи извивались в ярких солнечных лучах, в секундах от полудня. Удар колокола гулко разнёсся над площадью, поднимая с крыш чаек и голубей.

– Всё было точно так же, – Унция повернулась к матери. – Змеи свились и выплюнули ослепительный сгусток пламени! Кругом всё замерло и, пока били куранты, стояло не шелохнувшись. Только огненный комок летел к окну, и я увидела необыкновенное, прекрасное лицо! Я хотела лучше его разглядеть, и сразу... голубиная стая расступилась медленно-медленно, и рядом проплыл глаз голубя – красный, дурашливый глазик! Тут-то меня и обнял тот, совершенно другой взгляд!

По лицу Терезы скользнула тень, будто дочь вновь пронеслась мимо окна, затмив солнце.

– А потом явился и голос, – девочка заглянула в глубокие, беспокойные глаза. – Нахлынул, как океан, и его звёзды держали меня на кончиках лучей...

С площади донеслись рукоплескания. В дверь постучали, вошёл старик-камердинер с суровым лицом шкипера:

– Дирижёр уже у пульта, публика ждёт.

– Спасибо, Тристан.

Тереза встала, повернулась к дочери.

– Вспоминая тех, кто тебе помог, говори не «голос и взгляд», а «Голос и Взгляд», – сказала, как спела. – Слышишь разницу?

– Да, – Унция подняла внимательное личико, и мать поцеловала её в золотой завиток на виске.

Тереза не была ослепительной женщиной, но стоило ей запеть, как вся её фигурка начала источать ясное, живое свечение. И голос королевы был удивительно светлым и трогательным, за что в народе все звали её Королевой-Соловьём. Она и была как соловей – маленькая и хрупкая, завораживала всех своими песнями, заставляя забыть печали и вселяя надежду.

Тереза, выходя к публике, обращалась к простым людям с простыми словами, делая это тоже запросто, как человек без титула и состояния. И сегодня, открывая праздник, по обыкновению, начала со слов.

– Учёные правы, принцессу спасло солнце, – сказала она. – Но не только. Весь этот мир поёт, и его музыка не даёт нам пропасть. Это – те непорочность и благочестие, что поднимают вверх!

За великим торжеством духа последовал праздничный пир. На набережных и улицах царило шумное карнавальное столпотворение. Принцы и принцессы, Арлекины и Коломбины, тигры и драконы встречались на каждом шагу, и никого не насторожило множество игуан в длиннополых дорожных плащах, появившихся в городе с началом сумерек. Все они держались вместе, и их число час от часа увеличивалось. В центре толпы стояли двое: у первой ящерицы из-под маски торчала борода, у второй – концы длинных чёрных локонов.

– Ровно в полночь ты отопрёшь дверь в северной стене, – сказала бородатая игуана.

– Хорошо, Карафа, – женским голосом отозвалась вторая.

Зал торжеств, украшенный гирляндами живых орхидей, был полон блеска и размеренного движения, – драгоценности, звёзды, эполеты и аксельбанты текли сияющей рекой. Гости подходили к подиуму, где виновница торжества стояла рядом с отцом.

Унция, словно шнурок сонетки, дёрнула кисть парадного, украшенного шитьём, пояса.

– А мы пойдем завтра в океан?

– Ничто нам не помеха!

Отец всегда так говорил, когда она о чём-то просила.

– В океане, – девочка обняла сильную шею над золотыми петлицами, – я открою тебе один секрет.

– Открой сейчас, душенька.

Унция оглянулась на гвардейца с церемониальной алебардой и торопливо зашептала:

– Никакой горячий воздух тут ни при чём, это – Голос и Взгляд, это они спасли меня! – расставила невидимые акценты, и отец понял – посмотрел в глаза и улыбнулся.

– Пусть они всегда будут с тобой, родная, – сказал на ухо.

К подиуму церемонно подплыла чета придворных.

– Принцесса – истинный ангел, – поклонился седой кавалер.

– Неудивительно, что она умеет летать, – сделала книксен его супруга.

Вокруг уже начиналось столпотворение, когда вошла Тереза, несколькими нотами, с порога озаряя зал, и все взгляды устремились к ней.

– Да здравствует музыка! Да здравствует опера! Слава Королеве-Соловью! – раздалось тут и там.

Сияли огни и лица людей, – вокруг было столько света, сколько Унция ещё никогда не видела. Ей с необъяснимой силой захотелось быть в этом зале как можно дольше, но куранты сыграли половину одиннадцатого, и родители, благословив, отправили девочку в постель.

Проснулась Унция от шума с площади, решив, что это гости зажигают петарды, но тут гроыхнуло прямо за дверью спальни. В следующий миг в комнате зажёлся свет, и кровать обступили незнакомцы, с головы до ног забрызганные клюквенным сиропом. Они потоптались и расступились, пропуская вперёд игуану в бальном платье. Чешуйчатая кожа поползла с головы, высвобождая густые чёрные локоны, и на Унцию уставились цыганские глаза красавицы Медины.

Потолок спальни остался позади, поплыли приглушённые огни коридоров и лестниц, а потом разом ослепили люстры знакомого зала. Девочка и опомниться не успела, как оказалась босиком на серебряном блюде. Холод металла прогнал остатки сна, но она никак не хотела верить, что всё происходит на самом деле.

Вооружённые люди входили, снимая маски и открывая потные, разгорячённые лица.

– Говори, Карафа! – зывали они к невысокому бородачу, вставшему рядом с принцессой.

Толпа уже притёрлась вплотную, когда мужчина поднял руку, устанавливая тишину.

– Чу! – он поднёс палец к губам, заставляя утихнуть последние шорохи. – Кто-то что-то слышит?

– Не-е-ет! – нестройно отозвался зал.

– Хоть один звук? – Карафа обвёл толпу взглядом. – Хоть одну нотку?

– Не слышим!

– Именно так, братья. Мир молчит! – он возвысил голос. – Мир просто не умеет петь! Вот оно, простое доказательство нашей правоты, львы! – поспешно отвёл взгляд от маски ящерицы. – Но, мы по горло сыты сказками и ложью! И мы больше не будем слушать ничьи голоса, пусть и такие манящие, какой был у Королевы-Соловья!

По толпе пробежал ропот.

– Я сказал, был, – бородач вновь поднял руку, – потому что всё начатое следует доводить до конца. Нельзя быть наполовину королевой, а наполовину – соловьём. Но теперь, когда её величество целиком стала птицей, можно гордиться, что это мы, своими руками, вот этими

руками, – он потряс растопыренными пятернями, – отпустили её на свободу. Ведь в мире нет ничего выше свободы!

– Нет! Выше! Свободы! – прокатилось по залу.

– И горе, горе тиранам, ставшим рабами своих сокровищ! – Карафа повернулся к Унции, переминавшейся на блюде в одной ночной сорочке. Он тряс напряжённым пальцем, выставленным в её сторону, и все замерли в предчувствии откровения. – Да! Даже именем собственной дочери этот деспот мерил золото! – воскликнул с праведным гневом в голосе.

Золотые локоны принцессы, ниспадая до пят, не оставляли места сомнениям в справедливости сказанного. Она чувствовала взгляды, колющие, как иголки холода в босых ступнях, и собрала все силы, чтобы не расплакаться и не выдать страх, последнее горячее и родное, что было с собой.

– Но в новом мире есть только одна система мер! – Карафа вздёрнул над головой загорелый кулак. – Это – свобода! И ничего над свободой!

– Ничего! Над! Свободой! – подхватил зал.

– И ничего справа от свободы! – Карафа выкрикивал слова с яростным воодушевлением. – И ничего слева!

– Ничё-ё-ё-ё сле-е-е-е...! – переметнулось на площадь.

– За прошлое – ни гроша! – он вздёрнул второй кулак. – Фунты, унции – ничто!

– Унция – ничто! – оглушительно грохнула толпа.

Подогретое воинственным азартом, «ничто» взлетело и, ударившись о потолок, словно крышкой, накрыло блюдо с принцессой.

Открыв глаза, Унция обнаружила, что за окнами день, и она лежит на полу своей спальни. Вокруг были рассыпаны книги, вываленные из книжного шкафа. Сам великолепный, украшенный резьбой и перламутром шкаф исчез. Люди-ящерицы утащили всю мебель, оставив только огромное, до потолка, зеркало. Привычные картины и гобелены заменили кривые, размашистые граффити: «Свобода!» и «Унция – Ничто».

Папа-король как-то распорядился, чтобы дочь научилась читать до потери первого молочного зуба. Его воля была безукоризненно исполнена, – девочка читала на трёх языках, но не всё прочитанное понимала. Так, фраза «Унция – Ничто» поначалу заставила её задуматься, но, вспомнив любимое папино выражение, она решила, что и это «ничто» ей не помеха. А вот ненавистную «свободу», от которой с ночи трещала голова, постаралась стереть. За этим занятием её и застала Медина, вошедшая без стука.

– Напрасно ты это делаешь, – сказала со знанием дела. – Свобода тебе ещё очень пригодится.

Красотка подошла к стене с единственной целой надписью:

– А это ты правильно оставила: теперь ты – пустота, какой была я для твоего самовлюблённого папаши!

Унция шагнула вперёд, собираясь вступить за отца, но изменница была настроена миролюбиво.

– У нас теперь свободная страна, крошка. Королевству – крышка, а здесь, – она развела руками, – сделают музей. Тебя опишут, и будешь сидеть на троне, пока не состаришься!

Поправив у зеркала причёску, Медина вышла, а девочка задумалась над тем, как человек может быть пустотой.

Слова вероломной служанки начали сбываться очень скоро. Монархию упразднили, а недавние подданные, словно команда корабля, попавшего в ураган, подчинились течению времени и провозгласили республику. Когда же буря с сопровождавшей её сумятицей улеглась, государством и принцессой занялся опекунский совет.

Вероятно, за краткую младенческую вседозволенность бывшей наследнице всех богатств канувшего в Лету королевства не разрешалось ни покидать комнаты, ни принимать гостей. Но граждане, занятые налаживанием быта, традиционным для этих мест выращиванием фруктов, ловлей рыбы и жемчуга, о ней и не вспоминали. Некоторые вообще бросили работу и увлеклись мародёрством, исключавшим риск быть съеденным акулами, – новая власть, стараясь выглядеть гуманной, до поры смотрела на всё сквозь пальцы. В общем, граждане вели разнообразную жизнь, чего нельзя сказать о нашей знакомой.

День за днём Унция бродила из угла в угол, через раз, для развлечения, делая это вслепую, и одиночество не отставало ни на шаг. Иногда, от безучастного наблюдения оно переходило к действию, растворяя каракули писем, которые никуда не уходили, или поддерживало за локоток, когда хозяйка ела, сидя на голом полу. Рука дрожала, и суп проливался, но бульон не оставлял пятен на платье, больше похожем на наряд скомороха – рукава с подолом удлинялись по мере надобности, а на талии такая кухня не сказывалась.

Принцесса не любила одиночество, хоть они и росли вместе, словно родные сёстры, и даже пыталась с ним бороться, знакомясь с чайками. Но ветреные птицы, появляясь во дворце, как и люди – в поисках пищи, подолгу не задерживались.

Всеми покинутая, она тяжело свыкалась с мыслью, что родных больше не увидит, и когда охватывало чувство безысходности, вызывала из памяти Взгляд, обёрнутый в певучую ткань Голоса, и поправлялась надеждой, что они ещё помнят о ней.

– Вы же вернётесь, – говорила сама себе. – Ведь, кроме вас, у меня никого не осталось...

Чтобы тайные друзья скорей откликнулись, Унция читала стихи, делая это вслух и с большим выражением, будто даря кому-то очень дорогому. Декламируя до поздней ночи, она отгоняла страх того, что Голос и Взгляд о ней забыли, и теперь придётся состариться в полном одиночестве.

Впрочем, изредка в её однокомнатное королевство заглядывали посетители из опекунского совета. Визитёры всякий раз останавливались перед надписью на стене, а однажды кто-то так и сказал:

– А ты и правда Ничто, такая худышка! И зачем тебе такое огромное зеркало?

Походив по комнате, опекун задумчиво добавил:

– А ведь оно как раз впору моей ненаглядной.

Принцесса без сожаления рассталась с вещью, ежедневно показывавшей одиночество в полный рост. А, перестав себя видеть, всерьёз задумалась над тем, что однажды сказала Медина.

С некоторых пор, то ли забавы ради, то ли чтобы унижить, опекуны, кроме как Ничто, Унцию не называли. Она даже взялась считать, сколько раз слышала от них это слово. Когда же счёт перевалил за сотню, решила испытать новое имя на тайную силу. Как-то, найдя дверь незапертой, вышла из комнаты и, прикрываясь им, как плащом-невидимкой, направилась к выходу из дворца.

«Ничто» помогло ей благополучно преодолеть коридор, но у лестницы было остановлено господином в пенсне. Препровождённая обратно, девочка решила, что у очкарика какие-то специальные линзы, или имя не сработало, потому что не было родным. А, может, говоря о пустоте, Медина попросту её обманула. Она так и уснула, не чая, что другое предсказание смуглой красавицы сбудется уже на следующей неделе.

Об открытии во дворце музея объявили с большой помпой, – шутка ли, впервые в истории экспонатом выставляли настоящую живую принцессу.

– Радуйся, детка, – седая кастелянша легко затянула Унцию в корсет. – Кому ещё в твои годы посчастливится стать памятником старины!

В подвалах дворца, по распоряжению опекунского совета, устроили разнообразные увеселительные заведения – питейные и закусочные, дабы посетители могли подкрепиться после экскурсии, развлечься, а заодно и пополнить казну молодой республики.

Теперь Унция шесть дней в неделю проводила на своём законном месте. Но эта простая с виду часть царского труда обернулась настоящей каторгой.

Поскольку все века видеть монархов вблизи могли лишь избранные, народ на выставку повалил валом. Ехали даже из Америки и Европы, и желающих было столько, что люди ночевали прямо у кассы, под открытым небом. Многие брали с собой детей, если те дома хорошо себя вели, – поглазеть на принцессу было большим стимулом. Но здесь народ отдыхал, взрослые расслаблялись, теряя обычную строгость, и детишки, соревнуясь в меткости, бросались в неё всем, что находили в карманах и на полу.

Замерев в огромном позолоченном кресле, Унция с оторопью смотрела на жизнерадостных людей, разглядывающих её, словно диковинную зверушку. Магниевого блицы вызывали в глазах плывущие радужные круги, а вертеться и зажмуриваться разрешалось только во время обморока. К тому же, некоторые дотошные посетители залезали за ограждение и трогали её руками, думая, что перед ними кукла. Мало кто верил, что ребёнок способен выдержать столько на одном месте.

Мучимая духотой, жаждой и вынужденной неподвижностью, бедняжка свыкалась со статичными обязанностями вещи, училась плакать невидимыми слезами и терпеть щелчки апельсиновой кожуры и лимонадных пробок.

«Милые Голос и Взгляд, – неслышно молила она невидимых друзей, – превратите меня в пустоту, в воздух, во что угодно, только заберите отсюда!»

Когда же становилось совсем невмоготу, читала про себя любимые стихи, делая это так отчаянно, словно рыла окоп на поле боя.

Удивительно, но знакомые строфы прикрывали её, словно бруствером.

Сидя на троне с каменным лицом, Унция по миллиметру выколупывала щель в таинственном веществе, плотно наполнявшем её ожидание, и постепенно стала скрываться там, как улитка в домике-ракушке. Ракушка предохраняла от прямых попаданий и обидных замечаний из толпы.

С каждым днём её «стихотворное» убежище делалось всё глубже, – раковина сделала один виток, потом другой, и шум толпы со щелчками мусора исчезли совсем. Но стихи не только помогали копать – они вели в мир, придуманный великими фантазёрами. И однажды она обнаружила себя в известной французской поэме, разгуливающей по океану в обнимку с мачтой парусника. Там из цветущих вод ей навстречу вынырнули гигантские кариатиды, несшие на головах тяжёлую, ослепительную радугу, образовавшую портал.

В какое помещение вёл этот вход, можно было только догадываться, но мерцающие росчерки звездопада, сквозившего в прозрачной раме, навеяли такое чудное состояние, что принцесса впервые за долгие месяцы улыбнулась.

Тут случилась совсем неслыханная вещь: края той самой радуги показались в уголках её губ, выползая наружу и озаряя музей волшебным светом. И все посетители в первом ряду опустили на одно колено, а посетительницы присели в книксене. За первым рядом последовал второй, за вторым третий и так – до дальней стены, где висел портрет основателя династии Саламантов, Бурнабара Первого, Громоподобного. Предок, по легендам, тоже делал разные фокусы, например, подчинял целые племена одними бровями.

Теперь она тайком развлекалась, улыбаясь то левым, то правым уголком рта и вынуждая то одну, то другую половину зала соблюдать дворцовый этикет.

Окна в музее не занавешивались, а погода триста дней в году была ясной и солнечной, но газетные репортёры всё равно прознали, в чём дело, и раструбили о «волшебной улыбке» на всю округу. Появились даже охотники за улыбкой, поскольку газетчики пообещали за фото привлекательные деньги.

Одному из них посчастливилось запечатлеть милые ямочки, окружённые радужным блеском. Но снимок пришлось уничтожить, потому что ни отвести взгляда, ни прекратить политеса сам удачливый фотограф, его семья и любознательные соседи никак не могли. Негатив постигла та же участь – он оказался вдвое сильнее, с той разницей, что действовал наоборот: мужчины делали книксены, а женщины опускались на одно колено.

Эти безобидные, по мнению Унции, шалости имели непредсказуемые последствия. В народе стали оживать монархические настроения, а некоторые экскурсанты, выбираясь из подвалов дворца на воздух, пели «Боже, храни принцессу!» и вели себя крайне разнузданно.

По распоряжению Карафы, певцов задерживали и прослушивали на предмет запрещённого музыкального слуха. Но бедолаги, в один голос подтверждая существование «волшебной улыбки», не могли объяснить, что же заставляет свободных граждан кланяться дочери свергнутого тирана. От Ничто тоже ничего не добились, – девочка наотрез отказалась улыбаться следователям из тайной полиции.

Высший совет заседал до поздней ночи, пока кто-то не припомнил «волшебный полёт» трёхгодичной давности. Дело приобрело более серьёзный оборот, и во избежание новых, незапланированных чудес, принцессу из экспозиции решили на время убрать.

Пока опекуны во дворце занимались чудесами местного значения, на Родном острове произошло событие из разряда магии международной, – прибыл известный на весь мир иллюзионист Иеронимус Ногус.

Этот худой как трость господин с орлиным носом слыл собирателем всего необычного, а в узких кругах был известен ещё и как «коллекционер муз». Безусловным талантом мага было умение отыскивать их в самых разных местах, где простому человеку и в голову не придёт это делать. Крупных муз Ногус извлекал из архитектурных композиций, панорамных пейзажей и ораторий, а мелких – из миниатюр, этюдов, скетчей и даже эпиграмм.

Посещая, к примеру, музей изобразительных искусств, он гулял по залам, прикрыв глаза и выставив ноздри, и со стороны казалось, гость наслаждается не живописными полотнами, а запахом масла, хотя многие и находят его приятным. Походив так с полчаса, маэстро останавливался у какой-нибудь картины с зацветшим прудом, и, кажется, пруд как пруд, но он определённо знал, что под ряской с кувшинками скрывается та, что ему нужна, и точно – нацеливался ноздрами на водоём и выуживал из него зазевавшуюся музу.

Или же на скрипичном концерте – делал вид, что слушает с закрытыми глазами, а сам переносицей брал на мушку солиста. Музыка звучала в соответствии с нотами, но исполнитель вдруг с ужасом понимал, что скрипка уже не плачет и не смеётся от чистого сердца, а обезьянничает и всё выдумывает. Складывалось впечатление, что драгоценного «итальянца» подменили прямо во время игры, а Иеронимус уже затаивал похищенную музу в ему одному известном месте.

С той же лёгкостью он добывал их из труб и валторн, флейт и кларнетов, виолончелей и контрабасов. Единственно, к чему не притрагивался, так это к ударным, – и тарелки, и литавры, и тимпаны, как грохотали с душой, так и продолжали это делать.

Не то чтобы маг собирался открыть собственный музей, нет, музы требовались ему на время, для утоления голода и жажды, – Иеронимус питался их незримым радужным блеском. Делал он это без помощи столовых приборов, поглощая чем-то тайным, из-за чего красавицы, после обеда в компании чародея, теряли волшебную силу и буквально превращались в выжатые лимоны. Сплюснутые пупырчатые плоды выпадали из рукавов и штанин мага помимо воли, и даже то, что тот кислое на дух не выносил, ничего не меняло, – музы ни за что не хотели превращаться во что-то, хотя бы кисло-сладкое, вроде грейпфрута.

Ещё в бытность Джеромом Ногусом и не таким богатым и знаменитым фокусник выкидывал несчастные фрукты на помойку. Но, сколотив приличное состояние, решил ничем зря не разбрасываться и тоже пустил в дело. На заводике, принадлежащем артисту, цедру удаляли, а на лимонных корочках делали настойку, которая так и называлась «Музыкальная настойка Иеронимуса Ногуса». Напиток выпускался в небольших, как для «Кёльнской воды», флаконах и, по уверениям самого маэстро, избавлял от разных недугов и напастей, таких как желудочные колики, супружеская неверность и отсутствие музыкального слуха.

Спрос на снадобье был неизменно высоким, несмотря на ещё более высокую цену. Хотя злые языки и поговаривали, что у предприимчивого циркача в некоторых тёплых странах, как в цилиндре с двойным дном, спрятаны целые цитрусовые плантации. Но люди верили, что настойка приготовлена «на основе натуральных муз», как указано на этикетке, и брали по несколько флаконов сразу.

Кунштюк с фирменным напитком приносил стабильный доход, но коронным номером Ногуса, безусловно, был трюк с личным дирижаблем – чёрная махина испарялась, как по мановению волшебной палочки. Правда, обязательным условием было то, что зрители на время зажмурятся. Специальный секундомер-зуммер подавал для этого сигнал, а по истечении трёх секунд – ещё один, разрешающий открыть глаза. И все удивлялись до глубины души, ведь даже ракета не смогла бы исчезнуть из поля зрения. Вместе с дирижаблем пропадал и сам маг, заставляя людей аплодировать секундомеру-зуммеру, тоже звеневшему из пустоты.

Все те, кто заранее запаслись биноклями и подзорными трубами, только цокали языком: и в небе было чисто, и никаких тайников под боком.

Но вышел раз курьёзный случай – детектив на пенсии привёл собаку-ищейку и дал ей до начала представления незаметно понюхать дирижабль. Когда же тот благополучно исчез, ищейка, ни с того ни с сего, стала лаять на пузатого господина с тростью, стоявшего в сторонке. Собаку насилу успокоили и долго извинялись перед зрителем, который даже карманы вывернул, доказывая, что никакого дирижабля у него нет.

Если вы спросите, не нашлось ли хитреца, который лишь делал вид, что зажмуривается, а на самом деле подглядывал, то был один – журналист известной бульварной газеты. Но, когда зуммер прозвенел второй раз, и вся честная публика открыла глаза, его нашли бездыханным, с гримасой ужаса на лице. Та же газета сообщила, что бедняга умер от разрыва сердца. Больше желающих подсматривать не находилось.

Как дирижабль материализуется обратно, свидетелей не было, просто, через какое-то время, судно с латинской «N» в золотых пальмовых листьях на борту приземлялось в другом городе. К слову, путешествовал артист только на этом, личном транспорте, отвергая аэропланы, океанские лайнеры и железные дороги. Шутили даже, что Ногус – деталь своего дирижабля, или наоборот, дирижабль – деталь Ногуса, правда, какая именно, не уточняли.

«Музыкальный» голод заставлял маэстро искать чудесное, где бы то не находилось, и его доверенные лица были везде, даже на такой заброшенной далеко в воду земле, как Родной остров принцессы.

Несколько лет назад, узнав о «волшебном полёте» Унции, Иеронимус уже направлялся сюда, но печально известные события заставили развернуть дирижабль прямо над океаном, – маг не любил вмешиваться в политику. Теперь же, когда смута утихла, он решил отведать «волшебную улыбку», а заодно пополнить чековую книжку, показав популярный номер с исчезновением.

В то самое время, когда маэстро сходил по трапу навстречу шумной толпе журналистов и зевак, новое заседание опекунского совета было в самом разгаре. Обсуждалось три варианта будущего для принцессы.

Первый – изготовить маску, неотличимую от оригинала, но с фальшивой улыбкой, и пусть работает себе дальше. Второй – запереть маленькую чародейку в башне на год-два и посмотреть, не утратит ли она своих способностей. И третий – отвезти её под видом морской прогулки подальше от берега и столкнуть за борт.

У каждого из вариантов были свои «за» и «против». Так, первый сулил неплохой доход, поскольку на остров регулярно приезжали туристы из стран, где монархию давно свергли, а также из тех, где это пока никак не удавалось. Но то, что всё будет гладко, бабушка надвое сказала.

Второй вариант предполагал убытки, ведь Ничто надо было кормить, поить и сторожить. Когда же она потеряет свои волшебные способности – никому не известно. Хотя, тут была вероятность кому-то из опекунов их подобрать.

Третий совсем избавлял от хлопот, правда, и не обещал никакого профита – ни фактического, ни загадочного.

Споры то затихали, то вновь набирали силу, и председатель Карафа, взывая к тишине, в какой-то момент достал револьвер и выстрелил в потолок.

Грохот выстрела не успел затихнуть, как двери распахнулись, и в Зал заседаний вошёл доктор магии, маэстро Иеронимус Ногус.

Обведя присутствующих пронзительными ноздрями, гость внёс четвёртое предложение, а именно, сделать так, что принцесса совсем перестанет улыбаться, так как он тотчас же «волшебную улыбку» покупает.

Добавим, что, при упомянутой комплекции, маг имел на редкость густой бас, – создавалось впечатление, что играет контрабас, спрятанный в одном длинном смычке.

Внезапное появление мировой знаменитости и его неожиданное заявление произвели эффект разорвавшейся бомбы.

– Так принцесса ведь живая! – горячо возразил младший брат председателя Гамнета, но осознал свою оплошность и стушевался.

Карафа, напротив, тут же выразил готовность к сделке и назвал цену. Но, та оказалась куда выше биржевой стоимости улыбки, которой троянская унция дарит счастливого хозяина, на что покупатель обратил внимание.

– Вам нужна одна улыбка, а куда прикажете деть всё остальное? – бородач покрутил револьвером. – Ничто без улыбки, это так, даже не кое-что!

Маг снял цилиндр и кинул в него шёлковые перчатки.

– Но раз принцесса уже не более Унция, чем это ваше «Ничто», – резонно заметил он, – то, извольте, чтоб и цена соответствовала!

– Тогда ждите, когда улыбка станет обыкновенной, – Карафа вытряхнул на мраморный пол стреляную гильзу.

– И сколько прикажете ждать? – Иеронимус поморщился от пронзительного звона латуни и прикрыл переносицу ладошкой.

– А это нам самим неизвестно.

– А взглянуть одним глазком? – сдвинул ладошку в сторону.

– На Ничто, за такие деньги? – Карафа уже тёр рукавом бриллиантовую звезду на животе. – Вам с вашим дирижаблем лучше других известно, сколько стоит то, что уже не увидишь!

Тут к гостю повернулась Медина, она была первым заместителем Карафы в Высшем совете.

– А как вам такая улыбочка? – показала свои жемчужные зубки. – Самая что ни на есть волшебная!

Иеронимус направил на улыбку ноздри, но и лимонной дольки не выпало из манжеты. Зато стало ясно, что барышня запросто откусит добрую половину всех его плантаций. Это мужчине понравилось, и он изобразил лёгкий поклон.

Никакие уговоры, однако, на председателя не подействовали, гипнозу мага он также не поддался, имея революционную закалку. Всё кончилось тем, что Ногус, вернувшись на дирижабль уже под вечер, взял и исчез с острова. Правда, исчез не один, – в каюте его ждала смуглая красотка с цыганскими глазами.

Так, сами того не желая, опекуны избавили улыбку принцессы от превращения в выжатый лимон. Саму же принцессу перевели в заброшенную дозорную башню на берегу залива. Та стояла особняком, уходя фундаментом в волны, и звалась Зелёной из-за густой растительности, укоренившейся между камней. Ещё раньше в башню свезли всю запрещённую королевскую библиотеку (её чары также были для опекунов загадкой).

Новое соседство стало для Унции настоящим подарком. Древняя сокровищница знаний, библиотека получила начало с абордажей византийских судов и насчитывала тысячи редких и удивительных книг. Свитки, папирусы, томики, тома и фолианты заняли всё свободное пространство, оставив узкий проход к спиральной лестнице, ведущей в дозорную камеру, где она и поселилась.

Расположенное над пиком книжной горы место это словно символизировало высоту, на которую способно вознести человека самообразование.

За отсутствием мебели находчивая жилища сложила из книг кровать, стол, стулья – всё, кроме трона, с которым были связаны самые неприятные воспоминания. Стены она украсила иллюстрациями из Оксфордского зоологического атласа, повесив у изголовья радужного тукана. Друг вечерних бесед, не мудрствуя лукаво, был наречён Оксфордом.

Принцесса спала на книгах, ела на книгах, разговаривала с книгами, гуляла среди книг. Когда же кровать прочитывалась от спинки до спинки, а любимые герои переезжали в ракушку, где Унция скрывалась от назойливой музейной публики, происходила смена обстановки.

То ли от высоты жилища, а может из-за компании книжных мудрецов, давным-давно переехавших на небо, её «стихотворное» убежище раскрасилось в неземной, лунно-перламутровый цвет. Раковина играла всеми цветами радуги, а иногда ими пела. Подобно граммофонной трубе, многократно свёрнутой спиралью, она уходила на неведомую глубину, не задевая ни одного из жизненных органов. Самый нижний виток совершенно изолировал девочку от внешнего мира.

Впрочем, единственным живым человеком, видевшим её вблизи, был полуслепой старик, приносящий еду и воду. Старика всегда сопровождал караульный, но тот, следуя инструкции, завязывал глаза ещё на подходе к башне, на случай, если Ничто вздумается улыбнуться издали. Последнюю часть пути они так и шли – впереди старик с подносом, а сзади, держась за его плечо, солдат с карабином.

Перекусив и набравшись сил, Унция возвращалась к чтению. Читала она всё подряд, перемежая поэмы и романы с алхимическими трактатами. Какой-то инструмент внутри, окрепнув за время заточения от постоянных обращений к чуду, позволял понимать текст, просто прикасаясь к странице ладонью. И порой чья-нибудь извилистая мысль, ящерицей проскальзывая между пальцев, заставляла её замирать, открыв от изумления рот.

Время от времени хозяйка книжной горы сражалась с пеликанами, – те уже много лет считали башню своей территорией, вили в бойницах гнёзда и несли яйца. Перья птиц шли на строительство механических крыльев, чьи чертежи нашлись заодно с картой Атлантиды, ставшей ей пледом.

Но если до полёта на крыльях оставалось неизвестно сколько времени, то во сне, как любой подросток, Унция летала регулярно.

Всё начиналось с того, что она сидела на горе и мирно беседовала с книгами. Но постепенно те начинали вести себя несдержанно, залезали на плечи, пытаясь столкнуть, а она подпрыгивала и повисала в воздухе. Тогда книги строились по всем правилам военной науки и металы в неё ядра точек, бумеранги запятых, стрелы слов и дротики предложений, от которых, буквально, хотя и устно, приходилось увёртываться. Но и этого оказывалось мало: тома складывались осадными катапультами и палили целыми абзацами.

Так повторялось из раза в раз, и бедняжка плавала в башне, как рыба в аквариуме, не в силах вырваться наружу и в конце концов срывалась в мельтешащую буквами бездну. Но однажды с привычным сном что-то произошло.

В ту ночь принцесса, как обычно, говорила с книгами, а потом от них убегала. И тут чья-то невидимая рука схватила и подняла, и чувство сна осталось далеко внизу, зажатое между страниц, за границами потолочных балок.

Пальма на крыше, пощекотав лопатки, ушла вбок, и она повисла в воздухе, окидывая взглядом просторное звёздное небо.

Полная луна озаряла колышущуюся чёрную воду, но и без её сияния были видны горные вершины на далёком горизонте. Их пики горели таинственными лампадами, твердя, что стоит только перевалить через хребет, и все беды кончатся. И, внимая их зову, она устремилась вперёд.

Унция летела быстрее стрелы, вернее птицы, совершающей бросок с севера на юг вдоль магнитного меридиана, но, как ни старалась, горы сохраняли прежнюю дистанцию, будто росли не на земле, а на небе. Ракушка уже стала подавать тревожные сигналы, когда сначала кончики пальцев, а потом и ладони подхватили далёкое свечение горизонта. Незаметно рукава и подол платья начали тлеть, и появилось жжение, но не болезненное, а томительное. Незнакомый, благостный гул нарастал, и в какой-то миг платье вспыхнуло, окатив её волной ни с чем несравнимой неги.

Пространство сжалось гармошкой и растянулось во всю ширь, завлекая в прозрачные, поющие меха, и музыка зазвучала всюду, и вершины оказались на расстоянии вытянутой руки, а она почувствовала, что из ослепительного блеска на неё кто-то смотрит. В тот момент ни одиночество, ни печаль – ничто не могло потревожить, все чаяния собрались вместе, чтобы наконец-то исполниться, словно божественная мелодия приняла её в свои звуки.

От собственного голоса Унция и проснулась и с ужасом обнаружила, что стоит на выступе, опоясывающем башню, а светлеющий горизонт украл лампы.

Сон оставил такую массу вопросов, что теперь она выбиралась на выступ, не боясь, что её сдует в море. Прогуливаясь по узкой каменной ленте, девочка напевала заветную мелодию, словно искала тропинку к сияющим вершинам. Её голос разносился далеко над заливом, привлекая внимание рыбаков, самые суеверные из которых решили, что в башне поселился детский дух Королевы-Соловья. Люди оглядывались и робели, но звуки, летевшие с высоты, были такими прекрасными, что они забывали о своих тревогах. Возможно, посещая неведомые дали в поисках сияющих вершин, её голос прихватывал с собой нечто такое, что ни в сетях, ни на океанском дне было не найти.

Раз за разом мелодичные вокализы собирали всё больше слушателей. Особенно много приходило мам с маленькими детьми. Расстелив подстилки, они рассаживались у подножия башни и начинали кормление своих чад. Пока голос звучал, ни один ребёнок не плакал и не капризничал.

Уложив детей спать, женщины устраивались удобнее, и песни с высоты живописали им картины долгожданного благополучия и счастья.

Притом что каждая из них думала о своём, виделось всем примерно одно и то же: мужья возвращались из моря с уловом, были ласковы, дарили подарки и не засиживались у друзей до утра. В домах всего было вдоволь, дети не болели и не баловались больше обычного.

Когда Унция умолкала, женщины сбивались в кучку, и воздух, поднимаясь от нагретого песка, доставлял наверх все последние новости и сплетни. Так она узнавала обо всём, что происходило на Родном острове и в мире.

Как-то раз мамы заговорили об открытии одного математика из Европы. Якобы он изобрёл аппарат, способный видеть то, на что порой лучше вообще внимания не обращать.

– Неужто, правда, читает чужие мысли? – воскликнула одна из них. – И что думает благоверный тоже можно узнать?

– Легко! – уверила её знакомая.

– А мой ухажёр?

– Всё как на ладони!

– Да, это почище фокусов, что показывает пройдоха Ногус, – сказала третья.

– Но почему же пройдоха? – вступилась за мага соседка. – Дирижабль-то исчезает!

– Вот именно, – с готовностью кивнула женщина. – Люди платят за то, что исчезло, а не за то, что появилось. И кто после этого твой Ногус?

Но долго спорить они не стали и принялись обсуждать необычное изобретение.

– Только название у него какое-то несерьёзное, – усомнилась первая из мамаш. – Разве дельную вещь «пустоскопом» назовут?

– А по мне, всё равно, как называется, – отрезала вторая. – Если то, что говорят – правда, такая штуковина нужна в каждом доме!

И они дружно согласились, что новый прибор поможет пресечь поползновения мужей к изменам и припрятыванию денег. О самом изобретателе мамыши почти не говорили, только то, что он оказался неважным мужем и отцом, – жена ушла от него вместе с детьми.

Почти всё, что Унция в тот день услышала, было правдой. Можно лишь добавить, что изобретатель чудесного прибора, способного видеть невидимый мир, ещё недавно профессор Пражского королевского университета Якоб Пуп мог по праву считаться гением своего времени.

Пупу было немногим за пятьдесят, но выглядел он значительно старше своих лет. На людей незнакомых этот крупный мужчина с детской улыбкой почти сразу производил впечатление лёгкого помешательства. Виной тому были повадки и жесты, словно он ловил в воздухе незримое существо. А именно это Якоб и делал, ведь такими существами были все, маломальски, на его взгляд, стоящие мысли. Мысли эти носились вокруг, сплетаясь и расплетаясь, кувыряясь и вытворяя бог знает что. Но, даже изобретя пустоскоп, от той нелепой привычки – хватать их руками, как ребёнок разноцветные игрушки – Пуп так и не избавился.

История его открытия была ослепительна и печальна одновременно и началась ещё в студенческие годы, когда неимоверно одарённый и столь же самовлюблённый юноша не пожелал мириться с тем, что рано или поздно созывает духовой оркестр на «халтуру». Каждую ночь Якоб считал удары сердца, боясь, что оно остановится, и уже нельзя будет догнать ускользающую за пределы разума, сиятельную жизнь. Его трепетное «я», будто запорхнувшая в комнату птица, билось в содрогающемся от ужаса теле, и биения эти, словно дребезжанием оконных стёкол, сопровождались бесчисленными вопросами: «Почему? За что? Для чего я должен стать пустотой?!»

Так продолжалось до тех пор, пока Пуп впервые в жизни не влюбился. К радости нашего знакомого, с младенческих ногтей учившегося музыке, его избранница оказалась поклонницей оперы. По счастливому стечению обстоятельств в Праге проходили гастролы миланского «Ла Скала», и он решил сделать признание прямо в театре.

В кассах билетов не было, и пришлось потратить немало усилий и денег, чтобы достать их у перекупщиков-спекулянтов. Но, начав готовиться к свиданию ещё до рассвета, молодой человек не рассчитал времени и опоздал.

С большим трудом ему удалось уговорить капельдинершу пропустить их в зал после третьего звонка, но купленные в партере места, согласно неписаным правилам, уже кто-то занял.

– Вы только не беспокойтесь, – заверил Якоб нарядную спутницу, неприкаянно маявщуюся в проходе. – Одно пустое место обязательно найдётся!

Тут свет стал гаснуть, занавес дрогнул, расплываясь в насмешливой ухмылке, а публика недовольно зашикала.

– Уже нашлось, – отчеканила красавица, пронзая незадачливого ухажёра взглядом. – Это место – прямо передо мной!

И грянула увертюра, пророческой силой музыки связав её слова с грядущим эпохальным открытием.

Придя домой и теперь не зная, как жить, юноша, словно заведённый, повторял: «Я пустое место, я пустое место», пока уже на заре не произнёс ту же фразу со знаком вопроса. И тут умника осенило, что разум по форме, а часто и по содержанию – полная пустота, и любой разумный человек, хочет того или нет, является наипустейшей пустотой!

Дальнейшие умозаключения привели к тому, что его персональная пустота – родная сестра той надёжной и проверенной, что уже была до его рождения и будет вечно, чего бы не стряслось. А поскольку ворон ворону глаз не выклюет, мучиться ночными кошмарами Якоб перестал.

– Аве, опера! Аве, музыка! – восклицал он каждое утро, сбывая перед зеркалом первые нежные усики. Но тайну невидимого мира ещё только предстояло раскрыть.

На самом деле, нестерпимая боль, словно раскалённым железом, причинённая иллюзиями сердца, натолкнула его на мысль, что пустота вовсе не та, за кого выдаёт себя наивным обывателям. Более того, она неплохо организована, раз на ровном месте будоражит столько плотной материи. И, вообще, применительно к предмету, данное слово следует брать в кавычки, чтобы не путать с простодушной пустотой кармана.

Первую формулу, в которой радиус персональной «пустоты» равнялся бесконечности сознания, разделённой на глубину и скорость мысли, умноженные на амбиции в сумме с волей, возведённые в квадрат целеустремлённости, студент-математик вывел вилкой прямо на дубовой столешнице пражского гаштшедта.

Долгое бдение над следующим уравнением выгнало его на улицу, где, начертив вокруг себя несколько увеличивающихся кругов, он полностью остановил движение пешеходов, экипажей и авто.

– Стойте, люди! – громогласно восклицая, Пуп бегал туда-сюда с расставленными в стороны руками. – Вы же все топчете мою душу!

Чудом избежав жёлтого дома на окраине города, он решил временно стать невидимым и в таком, родственном предмету, состоянии разобраться, как тонкий мир устроен и каким образом внутри себя сообщается. С этой целью была снята комнатка, в которой, кроме стола, стула и библиотечной стремянки, никакой мебели не было. Старенькое пианино, вросшее в стену, Якоб, ослеплённый вызовом, не заметил.

Уравнение, начавшееся на бумаге, постепенно переползло на столешницу, потом под неё, а когда и там не осталось живого места, сбегало чернильным водопадом по тумбе стола на пол. Покрыв его узорчатым ковром, оно захватило сиденье и спинку стула, после чего перепрыгнуло на стену, где через пару часов наткнулось на пианино. Когда крышка клавиатуры была исписана с обеих сторон, и Пуп взялся за клавиатуру, случилось именно то, что принято называть случайным озарением. Химический карандаш, касаясь клавиш, пробудил музыку,

которая зазвучала в пустой комнате, а следом, и в молодом математике, привнося в формулу свои незримые, но зычные величины.

Испещрив остаток стены, уравнение с диезами и бемолями взбежало по стремянке на потолок и завершилось на плафоне люстры, куда Якоб забрался, балансируя на финальной части своего открытия. Когда же в формуле была поставлена точка, гений, во рту которого трое суток не было ничего, кроме чернильного карандаша, рухнул вниз в голодном обмороке.

Так, под крики потревоженных соседей, на свет родилась матеmuzыка – научное искусство, стирающее границы мыслимого, ведь всем известно, что и математика, и музыка по отдельности могут изобразить что угодно, но сообща – способны творить чудеса!

Первая модель пустоскопа заняла всю комнату и в момент запуска напрочь лишила квартал электричества. Вторая – в два раза меньше места и полквартиры, а ещё через несколько лет удалось организовать проход в «пустоту», поместив агрегат в платяной шкаф и более не тревожа соседей. Теперь для путешествия в тонкий мир надо было наиграть формулу на пианино и, закрывшись в гардеробе, подключить к пупку кабель эфирного диоптра.

В самом начале опытов, Пула, окутанного разноцветной дымкой, навещали очаровательные юные эльфы с крыльями бабочек и настороженные, искрящиеся гномы. И те и другие принадлежали перу разноязычных сказочников и обитали в первом слое мировой «пустоты».

Проникнув во второй слой, исследователь попал в эфемерное собрание мировой живописи, впитавшись капелькой золотистой охры в солнечный залив на картине Уильяма Тёрнера. Из залива он вышел «в открытое море – суровый и дальний поход», следуя подхвотившему его мощному течению незнакомой песни, и там, изнемогая от качки, очутился на борту корабля-призрака, несшегося «по спиралям смещающихся ураганов».

Со временем, дабы путешествовать на высоких скоростях, изобретатель заменил пианино фисгармонией и сочинил себе лёгкую крылатую гондолу.

Забираясь всё глубже и дальше, Пуп, словно Магеллан, нёсся по неизведанным эфирным далям, островки которых являли собой плоды труда чьих-то гениальных душ, сумевших подняться до горных вершин и застывших блестящими хребтами созидательных откровений.

«Атлас Мировой «Пустоты», который он начал составлять, походил на обычную географическую карту, материки и океаны которой проецировались на подобные себе в тонком мире. С той разницей, что эфирные моря и континенты состояли непосредственно из того, из чего был сделан внутренний мир их обитателей. В глубинном сечении «пустота» напоминала слоёный пирог, каждый корж которого был пропитан звучанием своего времени.

В комментариях к «Атласу» Якоб отмечал, что если фантазии китов, осьминогов, морских звёзд и кораллов, в общем, океанской фауны и флоры с примесью мечтаний капитанов дальнего плавания, боцманов и матросов, звучали относительно чисто, то скопления мыслей над урбанизированными материковыми равнинами, плоскими как шутки их обитателей, подчас отдавали настоящим рыбным рынком. Свежий ветерок с ароматом лимонного цвета отмечался в малонаселённых областях и принадлежал отшельникам и странствующим поэтам, но его мотивчик был еле уловим и погоды не делал.

В ходе исследований случались и казусы, и Пуп забредал в области, не предназначенные для свободного посещения. А однажды чуть не распрощался с собственным телом, прислонённым в гардеробе, когда злые духи, охранявшие пещеру языческого божества, собрались растерзать непрошеного гостя. Но, увидев свои отражения в прозрачной душе учёного, вернувшейся им младенческий облик, побросали обсидиановые ножи и покатались со смеху. Катались они долго, смеясь до икоты, после чего придали нарушителю такое ускорение, что он полетел впереди своей гондолы.

В родном городе всё было куда прозаичнее. В тёмных переулках Якоба останавливали подозрительные типы и, не обращая внимания на его душу, угрожали и требовали отдать всё

самое ценное. И он, недоумевая, почему этим людям нужно не сердечное тепло, а бумажник, безропотно расставался с последним.

К тому времени уже профессор Пражского университета, Пуп изложил результаты исследований в фундаментальной научной монографии. О, если бы он только знал, что его ждёт! Учёное общество не смирилось со столь отчаянным вольнодумством, и гений был вынужден покинуть кафедру. Но это было полбеды. Поскольку Якоб уже понял, что бессмысленно держаться за какое-либо место, кроме того, что внутри тебя, то оставил попытки занять выгодную должность и целиком предался опытам, а на вопросы жены, когда, наконец, будут деньги, прочёл ей как-то лекцию о значимости «пустоты».

Бесхитростная женщина кавычек не уловила и подала на развод. Возможно, она не заметила великого из-за чрезмерно близкого расстояния, а именно, с дощатых антресолей сарая-лаборатории, куда переехала с детьми из особняка мужа, заложенного за долги.

– Мы потеряли всё из-за твоих пустых исследований! – сказала супруга на прощание.

– Воистину! – прошептал Пуп, со слезами наблюдая, как она выводит за дверь сына и дочь.

Здоровье изобретателя было подорвано постоянным вживлением под кожу электродов, отчего тело покрылось болезненными язвами и рубцами. Но, как человек, целиком подчинён-

ный своей мечте и питающийся её светом, он стойко переносил душевные муки, а на страдания тела вообще внимания не обращал.

Презрев все беды, Пуп продолжал опыты. И однажды изобретение, наполнив шкаф ослепительным радужным блеском, показало своему создателю такое, что тот совсем избавился от страха. Это нечто вспыхнуло на долю секунды, став и солнцем над заливом, и смятённым вихрем поэмы, и мелодией удивительной песни, затмив всё узнанное доселе и заставив его чистосердечно, как ребёнка, расплакаться. Чьё-то крыло коснулось и тут же растворилось в туманной дали, поселяя в душе неведомое, удивительно светлое чувство. Всё произошло столь стремительно, что Якоб растерялся, а когда бросился вдогонку, сияние уже ускользнуло. Но россыпь бриллиантовых, мерно гаснущих нот привела погоню в забытые дни детства – на солнечный газон родительского дома, где мама в светящемся кисейном платье под белым зонтом ласково гладила его пухлую щёку, и он несколько невыразимо блаженных мгновений впитывал давно забытые прикосновения. А потом отец, аккуратно придерживая, усадил его на пони, и беззаботно смеющийся шалунишка Пуп ездил на добром животном, сопровождаемый заботливыми взглядами взрослых. И не было необходимости ни за что отвечать, сердце не мучилось мыслями о разбитом счастье, а жизнь не взыскивала по гамбургскому счёту. Но когда идиллии, казалось, не будет конца, несовершенный агрегат дал сбой, и реальность, хлынув на голову ледяным водопадом, смыла изобретателя с пони, стирая и дом, и газон, и всех, кто был рядом...

Всё последующее время сияние напоминало о себе лишь отражёнными на непостижимой глубине зарницами. Но начатое с разоблачения «пустоты» исследование высветило новую цель: во что бы то ни стало узнать, кому принадлежит крыло, навевающее безграничное, сказочное счастье.

Как Пуп установил, корпускулы эти пронизывали всё мыслимое и немислимое мировое пространство и имели вездесущий характер.

Собирая их, словно пыльцу экзотических бабочек, он пришёл к выводу, что это и есть та светлая, певучая субстанция, которая, смешиваясь с газом и звёздной пылью, создаёт многоклеточных, превращая их в обезьяну, обезьяну – в человека, человека – в вегетарианца, а вегетарианца – в менестреля.

Меняя настройки аппарата и дыша по особой методике йогов, Якоб сделал невероятное: если прежде, включая пустоскоп, образно говоря, забрасывал удочку в мировой океан, то теперь научился обособлять моря, проливы, озёра, пруды и даже лужи, что стало возможным благодаря регулировке фокуса и частоты созерцания. Сам фокус состоял в том, что он с помощью своего прибора мог забраться во внутренний мир любого человека и гулять там, сколько заблагорассудится. При этом исследователь никак себя не выдавал, и никто не мог заявить, что к нему «лезут в душу».

Частые эфирные экскурсии показали, что такие образные понятия, как «большое сердце» и «широкая душа», подтверждаются вполне конкретными размерами. Порой, чтобы за минуту пересечь мелочную душонку одного, Пупу приходилось целый день топтать по бескрайнему великодушию другого.

Сделанные открытия были грандиозными. И пусть прибор не позволял установить личность владельца сердца, можно было отметить его координаты на эфирной карте, поскольку само сердце, в отличие от субъекта, всегда в одном месте. Недаром ещё великий Бернс писал: «My heart in the Highlands, my heart is not here...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.